Глава II

НЕСКОНЧАЕМОЕ ОЖИДАНИЕ (1725—1740)

ВОКРУГ ТРОНА

Когда перед смертью Екатерины I при дворе начались склоки вокруг престолонаследия, Вена стала активно поддерживать кандидатуру Петра Алексеевича, внука Петра Великого и Евдокии Лопухиной, ведь он являлся вместе с тем потомком семейства Брауншвейг-Вольфенбюттель, родней Габсбургов по материнской линии. Для Карла VI важно было сохранить систему альянсов, благоприятствующую его политике на Востоке. В дебаты о наследстве Романовых на свой манер ввязалась и Пруссия, ее представители стали раздавать некие суммы подношений членам совета и гвардейцам с целью наладить связь с новым правителем или на худой конец с его сторонниками. Британцы приветствовали грядущую коронацию единственного законпого претендента, в чьих жилах течет царская кровь. Анна и Елизавета могли сколько угодно очаровывать дипломатов, все равно их рождение вне брака и сомнительное происхождение их матери разом исключало для них возможность соперничать с этим двенадцатилетним мальчиком, которому престол отходил по праву. Между тем на Руси народ и вся знать, как старинная, так и новоявленная, с недоверием относились к этому первому царю, рожденному от брака с иностранкой:

Петр был объявлен наследником престола 8 мая, на следующий день после смерти Екатерины; коронация состоялась год спустя, в мае 1726 года. Члены совета придерживались воли покойной императрицы, выраженной в завещании, согласно которому две ее дочери должны были при помощи этих самых членов заниматься ведением текущих дел. Однако за весь этот период Анна и Елизавета подписали всего лишь один-единственный протокол Верховного тайного совета, документ сугубо малозначительный, согласно которому некое государственное здание передавалось в частную собственность. Вскоре молодых женщин и вовсе оттеснили от дел. Всем заправлял Меншиков. Этот грозный политик, прикидываясь, будто опирается на совет, своими кознями разжигал рознь между кланами и группировками¹. Прямые наследницы великого государя служили излюбленной мишенью его происков. В них одних виделась угроза его планам, конечная цель которых была ясна каждому: речь шла о бесповоротном захвате власти.

С малолетства оставшись сиротой, Петр II не мог похвастаться образованием, достойным будущего самодержца; дед отстранил его от дел государства, ибо внуку ни в коем случае не полагалось занять его трон. Этот молодой человек, приятный в обхождении и хорошо сложенный, проводил свое время на охоте. Он был так же гневлив, как прославленный предок, проявлял ту же склонность к алкоголю, да и в сексуальном отношении оказался весьма скороспелым. В первые недели царствования он сделал своей советчицей сестру Наталью; эта молодая женщина была самоучкой. План, согласно которому рассаживались сотрапезники на одном из первых организованных новым монархом пиров, обнаруживает, каковы были его предпочтения: Наталья сидела от него по правую руку, Меншиков слева таким образом, этот парвеню в ущерб теткам нового императора занял при нем особое место. Екатерина ставила условие, чтобы все решения совета принимались большинством голосов его членов, но Меншиков присвоил себе право издавать указы по своей единоличной воле. Самопровозглашенный опекун царевича, он вынудил Петра поселиться в его резиденции на Васильевском острове и жить там вплоть до своего совершеннолетия. Усилиями министра вокруг молодого правителя образовалась пустота; он даже забывал приглашать дипломатический корпус на традиционные торжественные приемы. Приближаться к юноше было позволено только Остерману да нескольким преданным приверженцам Меншикова².

Дочери Петра Великого предпочли удалиться от двора: Анна с мужем заперлись во дворце Екатерины (будущем Царском Селе); Елизавета надела траур по любекскому епископу и вела жизнь затворницы в Летнем дворце. Меншиков воспользовался этим, чтобы с величайшей пышностью отпраздновать помолвку своей дочери Марии с Петром. По этому случаю он выделил невесте ренту в 34 000 рублей, почерпнутых из средств, зарезервированных для Елизаветы, чьи средства сократились теперь до 12 000 рублей. Подарков, предназначенных сестре и теткам царя, никто из них так и не получил. Анна Петровна и ее муж Карл Фридрих фон Голштейн-Готторпский претерпели зело много унижений: так, Меншиков конфисковал у них свадебный подарок Петра Великого - остров Эзель (ныне Сааремаа), чтобы подарить его австрийцу Рабутену, весьма щедрому на дорогие подношения и мелкие знаки внимания. Анне и Елизавете так никогда и не довелось взглянуть на завещанные им материнские бриллианты; да и рента выплачивалась скупо. Кому жаловаться? Стараниями Меншикова воцарилась атмосфера глухого страха, совсем не похожая на испуг, от случая к случаю возникавший из-за припадков ярости Петра Великого³. 12 августа 1727 года Анна и ее муж, чета, впрочем, весьма разобщенная, предпочли оставить Сапкт-Петербург и перебраться в Киль, где у них вскорости родился сын, будущий Петр III. Елизавета забилась в свои покои и не пыталась вступиться за сестру или удержать ее в России. После двух месяцев траура она вновь появилась при дворе, верная себе, сияющая. Ее беззаботная, радостная манера держаться усыпила подозрения противников, к какой бы группировке они ни принадлежали: все сочли ее не способной к исполнению обязанностей управления государством и решили, что она сама сторонится политических решений.

Достоинством Меншикова было упорство, а недостатком — отсутствие чувства меры. Чтобы укрепить свои позиции, он возмечтал выдать Наталью, внучку Петра Великого, за одного из своих сыновей. Таким манером фаворит рассчитывал обеспечить себе долгосрочное регентство, первое место в государстве. Но тут он хватил через край: представители родовитой знати поняли, что позволить Меншикову добиться своего значило бы увековечить, притом в самой что ни на есть вызывающей форме, новшества Петра Великого (которого некоторые из них поносили) и во всех смыслах пожертвовать своими прерогативами в пользу выскочек, к числу коих они относили и незаконнорожденных дочерей царя. Аристократы объединили усилия, чтобы низвергнуть самозванца, отстранившего их от кормила правления. Долгорукие сумели воспользоваться с этой целью слабостями юного монарха. Один из них, Иван Долгорукий, стал любимцем и товарищем в беспутных похождениях Петра, явно унаследовавшего бисексуальность своего деда: доходило до того, что молодые люди делили одну спальню, к большому огорчению княжны Натальи, которая понимала, что ее оттесняют на задний план. Петр постарался ввести Алексея и Василия Долгоруких в опекунский совет. В то время из птенцов гнезда Петрова оставались только министр иностранных дел Остерман да канцлер Головкин.

Петр между тем стал мало-помалу избавляться от своей зависимости от Меншикова, возможно, под воздействием Елизаветы, которой хватило ловкости для того, чтобы не проявлять предпочтения ни к одному из противоборствую-

щих кланов, но то, что она имела влияние на царя, представляется несомненным. Петр покинул Васильевский остров, чтобы переселиться в Летний дворец, где она уже прочно обосновалась. 8 сентября 1727 года юный монарх созвал совет, на котором было принято решение об аресте Меншикова. Лишенный титулов и должностей, он должен был удалиться с семейством в свои поместья. При этом поначалу заговорщики думали оставить ему его имущество. Когда же выяснилось, что бывший царев опекун - самый богатый человек в стране, во владении которого 90 000 гектаров земельных угодий, 13 миллионов рублей, сотни пудов золота, серебра и алмазов, не считая сумм, по всей вероятности, хранящихся за границей, царь встал на дыбы: ну нет, эти деньги по справедливости должны быть возвращены в казну. При повторном расследовании выяснилось, что Меншиков получил 5000 дукатов от королевского семейства Англии за то, чтобы разорвать заключенный в 1724 году союз между Россией и Швецией. Теперь его уже обвинили в измене. 8 апреля 1728 года Петр подписал указ, согласно которому зарвавшийся выскочка был осужден к ссылке с конфискацией имущества. Он был арестован в своей резиденции в Ораниенбурге и без дальнейших проволочек отправлен в Березов. Там он год спустя умер от туберкулеза. Его жена и дочь Мария, царская невеста, в ту пору шестнадцатилетняя, умерли в дороге, что, впрочем, не произвело на Петра никакого впечатления. Никто не проронил в их защиту ни слова: Остерман, Голицын, Головкин, равно как (даром что формальных доказательств тому не обнаружено) Наталья и Елизавета, считались виновниками их гибели, а с этим весьма сплоченным кланом лучше было не связываться. А несколько дней спустя легочная болезнь унесла в могилу сестру императора. С ее смертью, если верить Жану Лефорту (племянник сподвижника Петра І Франца Лефорта), иностранцы потеряли свою единственную покровительницу при этом

ксенофобском, дикарском и упрямом дворе⁵. Иван Долгорукий с большой помной вернулся ко двору, и вскоре было объявлено о браке его сестры Екатерины с царем, несмотря на то что у невесты была любовная связь с австрийским дипломатом Миллезимо. Злые языки столько над этим потешались, что разозленный Петр отложил свадебные торжества.

Общее направление политики теперь определяло семейство Долгоруких. Чтобы подчеркнуть возврат к допетровским ценностям, двор переехал в Москву. Из Верховного тайного совета мало-помалу были изгнаны сторонники Петра Великого и даже Екатерины І; удержаться на прежних местах смогли только канцлер Головкин и вице-канцлер Остерман. Два с половиной года царствование Петра Алексеевича было отмечено также влиянием вездесущей Евдокии Лопухиной. Бабушка юного царя и разведенная жена Петра I ревностно бдила за соблюдением традиций. Проведя тридцать лет в монастыре, она осуждала всякую жизнь, выходящую за пределы, предписанные православием. Елизавета, некогда столь верная пособница покойного монарха, тотчас навлекла на себя недоверие достопочтенной старой дамы. Однако Петр, поначалу оказав бабушке все почести, подобающие ее рангу, вскоре совсем забыл о ней; он продолжал предаваться праздным забавам, то охотясь, то танцуя в компании своей молоденькой тетушки. Зачастую никто не знал, где государь провел ночь 6 .

Остерман взял на себя заботу о его образовании — это была крайне неблагодарная задача, поскольку Петр II не проявлял ни малейшего расположения к работе. Двенадцатилетний, но в высшей степени скороспелый подросток, он испытывал сильное физическое влечение к Елизавете, которая была на шесть лет его старше. Махнув рукой на государственные дела, он предпочитал забавляться в компании с ней, а она его в этом поощряла. Она умела смешить его до

слез, передразнивая придворных сановников, не щадя никого, ни прошлых, ни нынешних его фаворитов. Ее гримасы, шарады и нескромные жесты необычайно веселили царственного юнца: он был в восторге, понятия не имея о том, какие интриги плетутся вокруг его трона. Такое влияние Елизаветы беспокоило придворных из числа родовитой знати; кто ни попадя рассуждал о любовной связи, о которой даже «говорить неприлично»⁷. В юморе и харизме дочери Петра усматривали признаки величайшего ума, предполагая, что за всем этим прячется холодный честолюбивый расчет. Некоторые полагали, что она, презрев церковные запреты, выйдет за Петра II замуж; другим здесь виделось далеко идущее намерение возвратить себе права, оговоренные в завещании Екатерины. Казалось, брак с иностранцем и связанная с этим вынужденная смена конфессии - единственное средство удалить ее от трона, положив конец предполагаемым интригам, которыми она якобы опутала царя⁸. Но ни один претендент не мог снискать благосклонности хорошенькой царевны. Снова ко двору пригласили Морица Саксонского; Меншиков уже предусмотрительно готовил ее союз с маркграфом фон Бранденбург-Шведтом или с Карлом Августом Голштейнским, братом ее былого жениха. В этом последнем случае православные каноны оказались бы нарушены, принимая во внимание родственные узы, связывающие германского герцога и русскую царевну. Долгорукие, разумеется, предложили ей в мужья одного из своих фаворита царя Ивана. Елизавета презирала этого молодого человека, чьи женственные ухватки она так ловко передразнивала. Она заявила, что не желает сейчас вступать в супружество: при любом предложении брака с иностранцем на первый план в качестве отговорок снова и снова выдвигались ее вера, почтение к традициям и траур, который она носит. Дочка Петра обожала и лелеяла свою свободу. Вскоре на свет божий выплыл ее роман с Александром Бутурлиным. Юный монарх возревновал. Долгорукие подливали масла в огонь, придя в восторг от того, что наконец-то у них

появилось оружие против Елизаветы, которую они обвиняли во фривольности и легкомыслии. Петр, хоть и был помолвлен с Екатериной Долгорукой, решил отправить своего соперника в ссылку на Украину. Тогда его опустевшее место в сердце царевны заняли двоюродные братья Нарышкины, Семен Кириллович и Александр Львович; царя особенно бесило, что второй был отменно красив. Он отослал Семена в Париж под вымышленным именем Тенкин, а Александра в деревню. Впавшая в немилость Елизавета ретировалась в Александровскую слободу, имение неподалеку от Москвы. Ее образ жизни от этого не так уж изменился: она проводила свои дни, охотясь на зайцев, куропаток или фазанов, а потом пела и танцевала в обществе деревенской молодежи. Как в дни своего детства, она здесь жила бок о бок с народом, с простыми людьми, к которым питала глубокую симпатию9. Легко утешившись в отсутствии своих первых официальных любовников, она избрала себе в спутники Семена Нарышкина, которого тотчас отослали в армию. На смену ему пришел гвардейский сержант Алексей Шубин, и чувства царевны были утолены. А ее лучшая подруга Мавра Егоровна Шепелева обеспечивала ее связь с двором, поддерживая последние еще сохранившиеся контакты. Их переписка дает представление о том, какие заботы в основном волновали обеих молодых женщин: «Всемилостивейшая государыня цесаревна, матушка моя! Как же хорош собою принц Орьдов! По правде сказать, когда мы с ним встретились, я и не думала, что он может быть так красив; высок, как Бутурлин, и столь же строен. Глаза у него светлые, как ваши, и огромные, ресницы черные, а брови темно-каштановые, на щеках всегда легкий румянец играет, зубы белые и прямые, губы алые, а речью и смехом он ни дать ни взять покойный Бизов» 10. Враги Елизаветы сумели использовать ее прискорбную репутацию: ее красоты никто не оспаривал, но отныне, удаленная от двора, царевна, чьей интуиции и находчивости

прежде так боялись, превратилась в милую дурочку, у которой на уме одни лишь плотские утехи¹¹.

В том же 1728 году Елизавета совершила ложный шаг, притом значительный: пренебрегла исполнением самого элементарного долга, которое могло бы оставить добрую память в сердцах ее сторонников. В феврале ее сестра Анна скоропостижно скончалась, произведя на свет мальчика, крещенного в лоне лютеранской веры: ему дали имя Карл Петр Ульрих. Начиная с лета 1727 года Анна жила в Киле, томясь от скуки подле мужа, равнодушного и грубого пьяницы; ее письма к сестре переполнены слезными жалобами. Согласно последней воле усопшей, ее должны были похоронить рядом с родителями в Санкт-Петербурге, в Петропавловской крепости. Тело доставили в Кронштадт осенью, но Елизавета была увлечена охотой и не отдала сестре последних почестей. Что это — эгоизм, безразличие, страх перед горем? Несомненно, царевна предпочитала предаваться праздным удовольствиям, но это более или менее подсознательное отталкивание от болезни и смерти определило то странное поведение, которым она навлекала на себя осуждение даже самых верных сторонников Петра Великого. Став императрицей, она запретила похоронным процессиям проходить мимо ее дворцов. Когда объявлялся траур, она не покидала своих гостиных и отказывалась принимать посетителей, одетых в черное. Не это ли обрекло ее на долгое «блуждание по пустыне»?

Помолвку Петра и Екатерины Долгорукой отпраздновали 30 ноября 1729 года в Москве. Молодая супруга получила право именоваться «императорским величеством», и Елизавете пришлось поцеловать ей руку на этом празднестве. Величайшее унижение для царевны, дочери императора! Но она умела сохранять хорошую мину при плохой игре. А несколько дней спустя Петр простудился, принимая военный парад. Кое-кто увидел в этом лишь повод отсро-

чить его свадьбу, назначенную на 30 января 1730 года; однако состояние больного ухудшалось день ото дня. Врачи определили оспу. Молодой человек скончался 19 января 1730 года. С ним угасла мужская линия династии Романовых.

ГОДЫ СТАНОВЛЕНИЯ

О том, кто станет преемником Петра II, ходили самые дикие слухи. Долгоруким уже виделось, что на российский престол взойдет их родственница Екатерина. Она, конечно, была помолвлена с покойным царем, однако ни свадьбы не было, ни коронации. Вскоре разнеслась весть, что она родила, но отец ребенка неизвестен, это исключало молодую женщину из числа претендентов на трон, так прельщавший се семейство¹². Снова вышло так, что русский монарх не успел объявить свою последнюю волю, стало быть, пришлось вернуться к завещанию Екатерины I, даром что оно вызывало столько сомнений. Согласно этому тексту, Елизавета теперь была призвана обеспечивать регентство вплоть до совершеннолетия Петра Голштейнского, сына Анны, которому было в ту пору около двух лет. Тут сановники и государевы любимчики петровской поры разделились: одни стояли за Петра, коль скоро тот был внуком их кумира, другие за Елизавету, поскольку мальчик воспитывался в протестантской вере, а его мать, выходя замуж, отказалась от прав на престолонаследие. Между дипломатическими миссиями тоже завязалось соперничество. Граф Вратислав, австрийский посол в России, задумал выдвинуться на первый план и вложил свою лепту в возведение на царство Петра Голштейнского, поручив опекунство его тетке; с этой целью он направо и налево раздавал субсидии и подношения. Его соперники — датчане и британцы — действовали так же, но с противоположными намерениями: они стремились помешать Петру завладеть российской короной. Совет, изнемогши под грузом всех этих интриг, решил избавиться от обременительной царевны: Елизавета была объявлена незаконной дочерью, рожденной вне брака. Она дорогой ценой расплатилась за свою беспечность: ее неосмотрительное поведение, «постыдные шашни с мужчиной низкого звания» стоили ей «чести и короны» 13. Ее права на трон Романовых, равно как и права ее племянника, были аннулированы особой декларацией, объявившей род Петра I «угасшим» 14. В действительности сановники страшились гнева царевны, темперамент которой не умерялся с годами. Став регентшей, она бы, чего доброго, отомстила за тяготы и унижения, перенесенные по вине Долгоруких. Посадить на трон маленького Петра Голштейнского значило бы возвратить ко двору Карла Фридриха со всем его германским кланом. Вопрос об этом встал снова, однако при подобном решении России угрожала война с Данией и Англией.

Елизавета ничего не стала предпринимать в свою защиту. Она удалилась в имение Измайлово, близ Москвы. Ее доверенный врач Лесток тщетно уламывал царевну немедленно отправиться в столицу, позвать на помощь гвардейцев, явиться в Сенат, показаться народу, чтобы всем продемонстрировать свои права. Может быть, она и впрямь, как утверждал британский посол Кейт, чувствовала себя слишком юной? Ей пока еще не хватало твердости для осуществления столь серьезного предприятия? Или, как предполагает генерал Манштейн в своих мемуарах, она предпочитала посвятить себя праздным наслаждениям? А может, считала, что последнюю волю Екатерины никто оспорить не сможет и все уладится само собой? Множество посланий, которые писали ей в те дни се сторонники, либо вообще до нее не дошли, либо дошли с большим запозданием 15.

А в Москве между тем собрался Верховный тайный совет, чтобы решить, кто будет новым государем. Дмитрий Голицын напомнил о потомках Ивана V, единокровного брата Петра Великого. Его дочь Екатерина Иоанновна была за-

мужем за герцогом Мекленбург-Шверинским, но хотя эта пара жила врозь, существовала опасность, что, если его жена взойдет на трон, герцог может обосноваться в России и начать вмешиваться в государственные дела. Оставалась Анна Иоанновна. После скандала, спровоцированного Морицем Саксонским, она проявила сговорчивость. Ее считали доброй, покладистой. Ее новый любовник Эрнст Бирон, по-видимому, был так погружен в дела Курляндии, что, казалось, не захочет покинуть эту страну. Бояре желали посадить на трон личность незначительную, которой они смогут управлять исходя из собственных интересов. Диктатура Романовых была довольно жесткой, к тому же простолюдины и чужестранцы вроде Меншикова и Лефорта слишком сильно влияли на российскую политику. Единственным способом выхода из кризиса казалось ограничение монархической власти, оставляющее московской олигархии, консервативной и приверженной православным обычаям, широкое поле для маневра. Манштейн в своих мемуарах утверждает, что Верховный тайный совет хотел «учредить республиканскую систему», обуздав «верховную власть добрыми законами» 16. Дмитрий Голицын сформулировал принципы чего-то вроде «конституционной монархии», первой представительницей которой должна была стать Анна. Среди прочих образцов он при этом вдохновлялся шведской моделью, в которой главенствующая роль принадлежит парламенту — риксдагу¹⁷. Итак, речь шла о том, что надобно увеличить политический фундамент России за счет элиты второго ряда: никогда еще ни одно законоположение не предусматривало столь широкого участия дворянства в государственных делах. Все члены совета подписали сей документ, кроме Остермана, который, по обыкновению, уклонился, сославшись на недомогание, - это был его секрет, как подольше продержаться у кормила имперской власти¹⁸. Условия, ограничивающие власть монарха, на первых порах должны были держаться в секрете. Сводились они к следующему: императрица не принимает никаких решений без консультации совета, она не будет ни объявлять войну, ни заключать мир без его попечительства; она не сможет выносить приговор в отношении какого-либо дворянина и не должна конфисковать имущество обвиняемого, по крайней мере прежде, чем его вина будет доказана со всей непреложностью; и наконец, царица, уже достигшая тридцатисемилетнего возраста, лишается права вступить в брак и сама назначить себе преемника¹⁹.

Анне внушали, что ее избрание произошло по воле народа. Но основные условия, согласно которым бразды правления были вручены женщине, чья власть ограничена, быстро стали известны, несмотря на запрет их разглашения. Ягужинский, в петровские времена бывший геперальным прокурором, оком государевым²⁰, кричал, что это скандальная ситуация; к нему присоединился Феофан Проконович, теолог и идеолог прогрессивного самодержавия; эти двое решили написать письмо, чтобы открыть глаза кандидатке, терпеливо ждущей в своих владениях в Митаве. Остерман со своей стороны разработал проект в ее пользу, поскольку абсолютная власть Анны должна была стать для него гарантией, что пост министра иностранных дел останется за ним. О Елизавете, казалось, все забыли, ею пожертвовали. Сановники предпочли ей особу, которая выглядела более безликой и, вероятно, более управляемой, а потому отвечала самым разнообразным ожиданиям. Родовитая знать полагала, что сможет вить веревки из этой женщины, лишенной политического опыта. Ягужинский с Прокоповичем, поддерживаемые графом Густавом Левенвольде, рассчитывали, благодаря своему влиянию на царицу, обеспечить возврат к «просвещенной» монархии. Персона Елизаветы для столь удобных построений не годилась, было ясно, что дочь Петра и Екатерины станет продолжать дело своего родителя с министрами той эпохи, таким образом, она лишится поддержки боярской верхушки, а заодно и тех лиц, над которыми она бесстыдно потешалась, причем в их число входит сам

министр иностранных дел Остерман, чувствующий себя выскочкой на одном из высочайших постов государства.

В середине января из Москвы были отправлены три посланца, но гонцу Левенвольде удалось опередить официальных курьеров совета. Таким образом, Анну известили о том, какие вокруг трона плетутся интриги. Она приготовилась вести двойную игру; она любезно приняла Василия Долгорукого и без колебаний подписала условия своего восшествия на престол; она согласилась даже с тем, что ее любовник Бирон не последует за ней в Россию. Бумага была утверждена, и Анна отправилась в Москву. Она пустилась в путь, исполненная решимости отстаивать свои права, рассчитывая опереться на сторонников неограниченного самодержавия, располагавших серьезным козырем: поддержка гвардии им была гарантирована²¹.

Проект конституции весьма основательно стреноживал грядущих властителей России. Их бюджет ограничивался суммами, начисляемыми для ведения домашних дел. Казначею двора предписывалось давать отчет о том, как использовались государственные средства. Постоянная ассамблея (своего рода Сенат) в составе тридцати шести сановников должна была обсуждать все текущие дела, после чего представлять их на рассмотрение Верховного тайного совета, состоящего из двенадцати знатнейших персон. Другой ассамблее из двух сотен дворян средней руки надлежало бдеть за тем, чтобы высшие инстанции уважали права этого сословия. И наконец, предполагалось создать ассамблею представителей дворянства и купечества, коей будет поручена забота о благосостоянии народа, то есть крепостных. Замысел подобного разделения властей стал предметом оживленных дискуссий и вызвал протест, разжигаемый частью духовенства и мелкопоместного дворянства, ибо те и другие полагали, что режим неограниченного самодержавия вернее защищает их интересы. Как тонко заметил английский посланник Чарльз Рондо, в этой стране, привыкшей слепо повиноваться абсолютному монарху, идея четкого ограничения прав власти прививалась с большим трудом²². Одно лишь скорейшее прибытие новой царицы могло утихомирить это всеобщее смятение²³.

Члены Верховного совета встречали Анну на подступах к столице, в нескольких верстах от города. Остерман, по обыкновению, «блистал своим отсутствием»: он всегда исчезал, как только ситуация принимала рискованный оборот. Государственный канцлер Головкин почтительно вручил новой владычице орден Святого Андрея Первозванного, она же при этом заметила: «Да, верно, я забыла его надеть»²⁴. Взяла орден и сама его себе прицепила. Советники испытали некоторое замешательство, когда она пожелала принять присягу гвардейцев, звучащую в точности как та, что позволила Екатерине завладеть троном. При этом Анна собственноручно поднесла им выпить. Невзирая на поставленные ей условия, она позволила величать себя полковником Преображенского полка, а своего кузена Семена Салтыкова произвела в генерал-лейтенанты того же полка. Долгорукий и Голицын, почуяв неладное, попытались как-нибудь изолировать вновь прибывшую, а главное - отсрочить ее торжественный въезд в Москву. Но заговорщики, сторонники самодержавия Гаврила Головкин - креатура Петра Великого - и Остерман, поддерживаемые Никитой Трубецким, Алексеем Черкасским и Семеном Салтыковым, последовательно пеклись об интересах Анны. Она же через посредство фрейлин была осведомлена об интригах и раздорах внутри Верховного тайного совета.

28 февраля 1730 года на первом же пленарном заседании царица приняла делегацию, возглавляемую князем Черкасским. В самых пышных выражениях он осудил условия, что были поставлены ее величеству. И просил ее созвать своих сановников, генералитет, офицеров и дворян, чтобы найти форму правления, достойную русского народа. Тогда царица приказала принести ей пресловутый проект и про-

читать его вслух. И после каждого параграфа иронически предлагала ассамблее одобрить прочитанное, вызывая тем самым взрывы негодующих воплей. Офицеры гвардии вконец разбушевались, протестуя против условий, навязанных их госпоже, которую они в финале приветствовали как императрицу. Вскоре к военным примкнули члены совета из мелкопоместных дворян. Тогда царица собственными руками разорвала договор, который подписала в Митаве. Самодержавное правление существовало на Руси испокон веку, и Анна, взойдя на трон по праву наследства, а не вследствие избрания, будет обвинять в гнусной измене и осуждать как преступника всякого, кто станет противиться ее абсолютной власти. Верховный тайный совет будет упразднен и заменен кабинетом министров, включающим трех человек: Головкина, Черкасского и Остермана, по-прежнему ответственного за внешние сношения. Реабилитированный Ягужинский получит обратно свою должность генерального прокурора; его пособники Трубецкой, Чернышев и Салтыков также получат повышение и займут ключевые посты в государстве и в армии. Войска меж тем изготовились к новой присяге. На каждом перекрестке установили посты. Голицына и Долгорукого сослали в их имения, подальше от столицы. И наконец, во все губернии были разосланы курьеры с отрадной вестью: Россия вновь имеет царя. Ну, в данном случае - царицу.

Ошибки кланов Долгорукого и Голицына, как полагает анализировавший их действия Манштейн, послужили впоследствии уроком сторонникам Елизаветы, которые были полны решимости их не повторять. Олигархи упустили возможность стакнуться с духовенством, особенно с Прокоповичем, серым кардиналом самопровозглашенных императриц. Они недооценили роль гвардии: гвардейцев следовало либо удалить, либо привлечь на свою сторону. Требовалось также устранить Ягужинского, тем самым обезглавив группировку приверженцев Петра Великого. И наконец, они не

должны были доверять молчанию и видимому отсутствию заграничных эмиссаров, всегда готовых вмешаться в российскую внутреннюю политику с целью обеспечить собственные интересы. С воцарением Анны Иоанновны австрийцы и пруссаки могли рассчитывать на прогерманскую ориентацию министерства иностранных дел.

Коронация состоялась 28 апреля 1730 года. Отсутствие на торжествах Елизаветы вызвало вопросы и комментарии: она и впрямь предпочла поздравить кузину письменно. По некоторым враждебным, но маловероятным слухам, она незадолго до того родила своего первого ребенка и, стремясь избежать унижения, не захотела появляться в таком виде на публике. Как бы там ни было, это отсутствие разгневало Анну, от природы мстительную и злопамятную. Императрица вообще опасалась этой кипучей царевны, вот и задумала удалить ее от двора. Года не прошло со дня ее воцарения, как она издала указ о новом порядке наследования престола, исключительное право на который выпадал ее тринадцатилетней племяннице Анне Леопольдовне фон Мекленбург-Шверинской. Последняя получила титул ее величества и обосновалась при дворе, где пользовалась императорскими почестями²⁵. Потомству Петра I было отказано во всех правах, и тем не менее новая императрица не переставая злобно сетовала на то, что голштейнский «чертенок», «урод» — сын Анны и внук великого государя, — еще жив²⁶. Елизавета затворилась у себя в Летнем дворце; казалось, ее окончательно отстранили от власти и отныне она обречена жить в своих поместьях, появляясь при дворе лишь при особых, тщательно выбранных для этого оказиях. В ту пору она, будучи в самом расцвете своей красоты, поражала изысканностью: элегантные наряды бледных тонов, серебряное шитье по розовому, прическа по новой моде - волосы собраны узлом на затылке, а удерживающая их длинная лента вьется по плечам. Автор книги «Путешествие в Россию» Педер фон Хавен, проведший там с 1736 по 1739 год,

оставил подробнейшее описание Елизаветы. Она была наделена превосходными душевными качествами: казалась решительной, но осторожной, имела живой ум. Щедрая, она благодетельствовала беднейшим и одаривала своих сторонников. Однако Хавен, как благочестивый пастор, проявляет некоторую сдержанность, когда заходит речь о телесных прелестях знатной персоны: «даже самые искушенные знатоки», по его словам, не могли бы описать ее красоту: среднего роста, очень румяная и пышная, она в глазах многих могла сойти за образец женского очарования. Сознавая, какие у нее преимущества, покорилась ли она тем не менее необходимости терпеливо ждать своего часа или даже примириться с судьбой²⁷?

ПОДРУГА И ВОЗЛЮБЛЕННАЯ

Для Елизаветы настали мрачные дни. Анна сослала ее в женский Свято-Успенский монастырь в Александровской слободе, что в ста верстах к северо-востоку от Москвы. Под влиянием злых намеков Остермана царица прониклась завистью к красоте своей племянницы, к ее уму и предполагаемой преданности ее сторонников. Она всерьез подумывала, не постричь ли соперницу в монахини — идея, от которой ее сумел отговорить Бирон, любовник царицы. Этот человек, отличавшийся холерическим темпераментом и жестокостью, но ради своей корысти умевший казаться любезным, не любил прямых конфронтаций. Осмотрительный, он не желал ссориться с дочерью первого русского императора; он даже осмелился за спиной своей покровительницы оказывать ей время от времени мелкие знаки почтения²⁸. А цесаревна, отстраненная от власти, вернулась к былой праздной жизни охоте, танцам, амурным интрижкам; ко всему этому прибавлялись званые обеды и ужины, которые она иногда готовила своими руками. В своих печалях она утешалась со своим

ординарцем Алексеем Шубиным, ее другом с самых ранних лет. К государственным делам Елизавета оставалась, по видимости, равнодушной, предпочитая поддерживать задушевное общение с духовенством окрестных церквей и крестьянами ближней деревни, которых без колебаний приглашала поохотиться вместе — она увлекалась соколиной охотой.

Анну страшила харизма этой молодой женщины, связанной с теми кругами, которые ускользали от ее контроля: с духовенством, простонародьем и, наконец, с приверженцами Петра, этой новоиспеченной аристократией заслуг, в глазах которой Елизавета была единственной законной наследницей трона Романовых.

Не намеревалась ли она затеять заговор против царицы? Вскоре власти получили донесение, извещавшее, что Шубин ведет непочтительные речи о ее императорском величестве и защищает права Елизаветы. Его тотчас арестовали и сослали на Камчатку. Безутешная царевна слагала стихи, где воспевалось пламя пожирающей ее страсти; она говорила, что «сохнет» от печали и даже жалеет о том, что встретила его²⁹. Тогда она впала в свой первый приступ мистицизма: стала ежедневно посещать богослужения в монастыре Успения Богородицы и погрузилась в чтение религиозной литературы. Стремясь ужесточить надзор над ней, Анна приказала Елизавете перебраться в Москву, в Анненгоф – деревянный дворец, специально выстроенный для императрицы, где говорили преимущественно по-немецки. Елизавете пришлось терпеть грубое обращение царицы и наглые выходки ее сестры Екатерины Мекленбургской. Зато она обрела подругу в лице Анны, дочери последней. Между тем, будучи кузинами, они были различны во всем: по описанию леди Рондо, великая княгиня Анна была молчалива, скорее дурна собой и весьма глупа. Разница в темпераменте подруг особенно ярко проявилась во время венчания дипломата Иоганна Кейзерлинга в 1736 году³⁰, на котором обе были подружками невесты. Венчание происходило в немецкой церкви

Санкт-Петербурга. Когда собравшиеся затянули литургические песнопения, Анна помалкивала с озабоченным видом, так рта и не раскрыла, Елизавета же все время насмехалась над фальшивым пением пастора - вероятно, для нее это был способ подчеркнуть дистанцию по отношению к протестантизму³¹. Но как бы там ни было, подруг сближала одна общая страсть: врожденная склонность к любовному томлению. Будущая регентша питала безумное вожделение к саксонскому посланнику при русском дворе графу Морицу Карлу Линару. Эти молодые женщины объединились во имя главной цели: ни в коем случае не вступать в брак, навязанный силой. Анна восторгалась естественным изяществом и обаянием Елизаветы, а вот какие чувства испытывала та к своей сопернице, сказать трудно. Может быть, в придворном обиходе, в такой непосредственной близости к трону это женское сообщничество помогало ей безнаказанно вести жизнь, далекую от образцов добродетели? К несчастью императрицы, Елизавета по-прежнему была очень популярна. Обосновавшись в столице, она сблизилась с дипломатическими кругами, и там у нее возникло множество почитателей, в том числе испанский посол герцог Лирийский и прусский - фон Мардефельд. Среди сановников ей покровительствовал один лишь Бирон, прочие министры, как русские, так и немцы, избегали общения с дочерью Петра Великого, чернили ее, сплетничали.

В 1732 году столицей Российской империи снова стал Санкт-Петербург. Тогда Елизавету опять поселили в Летнем дворце, но ей было отказано в праве приближаться к императрице и появляться при дворе, не испросив прежде позволения, притом за несколько недель вперед. Ее жизнь умышленно заключали в тесные рамки, чтобы помешать ей своими способностями или щедростью привлекать новых друзей; 100 000 рублей, которые полагались ей в годы царствования Екатерины и Петра, ныне превратились в 30 000, и хотя к ним прибавлялись доходы от ее поместий, этой сум-

мы все же не хватало для двора, где так важно поддерживать видимость роскоши³². Но царевна быстро научилась контролировать свои расходы, несмотря на обилие челяди в ее доме: два псаря, камер-юнкер, четыре камердинера, восемь фрейлин, четыре домоправительницы (старшая из которых надзирала за фрейлинами), двое слуг, занятых приготовлением кофе, девять музыкантов, двенадцать певцов и неисчислимое множество лакеев³³. При этом маленьком дворе на верхних ступенях его иерархии уже обосновались те, кому предстоит сыграть решающую роль во время грядущего царствования Елизаветы: Петр Шувалов и его невеста Мавра Шепелева, Михаил Воронцов и его будущая супруга Анна Карловна, кузина Елизаветы. Другая ее родственница, Мария Симонова, а также случайные любовники Лялин и Сиверс делили стол с духовником царевны Федором Яковлевым и его диаконом. Алкогольные напитки здесь употреблялись, по-видимому, основательно: за месяц хозяйка дома, ее друзья и подчиненные, включая прислугу, поглощали более 44 бочек водки, 68 бочек вина и 538 бочек пива! Среди служанок одна только кормилица Василиса Степанова получала по полведра вина в неделю. Шампанское, которое смаковали придворные, не фигурирует в списке напитков царевны и ее свиты. Что до мясных блюд, ели там по большей части домашнюю птицу и баранину, исключая периоды строжайшим образом соблюдаемого поста. А такое множество придворных певцов выдает свойственную Елизавете страсть к музыке. В то время, когда в Россию начинают проникать опера и балет, она держит своих собственных музыкантов: в их репертуаре, к величайшей радости восторженных слушателей, фольклорные мотивы перемежаются четкими барочными ритмами.

Тем не менее этот двор выглядел скромным, да и сам Летний дворец казался маленьким в сравнении с палатами, что возводили для себя первые лица государства: они и по размеру, и по числу комнат превосходили жилище царев-

ны. Елизавета и ее друзья довольствовались строгой деревянной мебелью петровской эпохи, в то время как у торговцев бойко раскупались английские красного дерева столы, кресла и комоды³⁴. Гобеленов в Летнем дворце было мало, да и те потрепанные, не висели в комнатах царевны и такие громадные зеркала, какие повсеместно украшали дворцы императорских сановников.

Елизавета знала, что среди ее слуг таятся царицыны шпионы, но она не собиралась уступать давлению своей кузины. Дочь Петра Великого любила общаться с народом, прогуливаясь, она часто забредала в гвардейские казармы, где по мере возможностей, подчас даже залезая ради этого в долги, помогала старым солдатам и офицерам своего отца. Она охотно соглашалась быть крестной матерью то одного, то другого новорожденного и по временам приглашала в свою резиденцию целые орды веселых ребятишек. Анна взирала на все это крайне неодобрительно и регулярно угрожала своей племяннице, что запрет ее в монастырь. Но Бирону, чье влияние на царицу непрестанно росло, удавалось отговорить ее, ссылаясь на то, что подобным решением она дискредитирует себя в глазах народа. Тогда вернулись к старой затасканной идее: дескать, лучше всего выдать мятежную царевну замуж за иностранца, такой брак удалит ее от двора и раз и навсегда отрешит от престолонаследия.

Австрийский посол в России граф Вратислав предложил кандидатуру португальского инфанта дона Мануэля, чье уродство потрясло даже императрицу, большую любительпицу шутов, карликов и калек всех видов³⁵. Елизавета и Анна Леопольдовна в один голос объявили, что предпочитают монастырь подобному союзу. Прусский король посватал было одного из своих родственников, Антона Ульриха Брауншвейг-Бевернского. Под влиянием Остермана Анна Иоанновна этот выбор одобрила, однако потом решила приберечь знаменитого родича Габсбургов и Гогенцоллернов для предполагаемой наследницы ее трона великой княгини Анны, дочери

Екатерины Мекленбургской. Граф Линар, официальный любовник последней, был выслан к себе на родину. Молодая женщина была этим шокирована, но возмущалась несколько вяло: на самом деле она питала тайную страсть к одной из своих компаньонок, Юлии Менгден. Английский посланник Эдвард Финч писал лорду-наместнику графу Харрингтону, что безумства мужчины, домогающегося новой любовницы, — ничто перед поведением царевны³⁶. Как можно при подобных обстоятельствах убедить ее в надобности скорейшего брака, необходимого для того, чтобы впоследствии произвести на свет младенца мужеска пола, наследника короны Романовых³⁷?

На Елизавету все эти маленькие драмы особого впечатления не произвели, ибо она была влюблена. Она встретила того, кто останется с нею рядом до конца ее дней, — Алексея Григорьевича Разумовского. Этот молодой человек был находкой полковника Федора Степановича Вишневского, который проездом из Венгрии с грузом токайского вина случайно задержался в его родной деревне на Украине. Блистательный бас молодого крестьянина чрезвычайно понравился полковнику. Происхождение Алексея было как нельзя более скромным: его пьяница-родитель имел привычку колотить свою жену и детей. Мальчик научился читать, писать и петь у дьячка села Чемер. Вишневский без малейшего труда уговорил парня последовать за ним в столицу, где его сразу приняли в хор императорской капеллы. В 1732 году Екатерина Нарышкина, подруга Елизаветы, случайно увидев его во дворце, влюбилась без памяти. Судя по описаниям, Разумовский, брюнет с очень густой черной бородой, смуглый, с тонкими чертами лица и живым взглядом, был строен, широкоплеч, жилист. Да еще и характер имел веселый, непосредственный, то есть природа одарила его всем, чтобы нравиться. Екатерина, не знавшая промедления, коли желание возникло, тотчас соблазнила молодого невчего. Рассказ подруги о том «обморочном состоянии», в которое

он ее погрузил, пробудил любонытство Елизаветы, она стала посещать литургические службы в императорской капелле³⁸. И попросила показать ей украинца. Любовь сразила ее как молния.

Елизавете удалось добиться, чтобы он поступил к ней на службу. Вскоре она произвела его в камергеры. Никто из окружающих нисколько не заблуждался относительно природы взаимоотпошений царевны и мужлана. Фон Мардефельд именовал это «нежным союзом Марса и Венеры», которые ежедневно «приносят жертвы на алтарь матери Амура»! Молодая женщина была настолько далека от намерения скрывать свою склонность, что даже ухаживала за Разумовским, когда он захворал. Она старалась его «обтесать», ведь, держась этаким увальнем, он тем самым выдавал свое низкое происхождение. Учителю балетных танцев, чье имя осталось неизвестным, было поручено отшлифовать его жесты и манеры. Вскоре Алексей Разумовский стал центром ее маленького двора. Природная обходительность сделала из него великолепного посредника; он служил глазами и ушами Елизаветы, которую долгие годы опалы сделали подозрительной. Другое его достоинство — умение быть довольным своей судьбой: некоторые считали, что эти двое заключили тайный брак, однако Алексей не ревновал, невзирая на частые любовные интрижки своей покровительницы. Или по крайней мере ему удавалось топить свои печали в водке³⁹.

Императрицу поначалу не беспокоила такая связь: влюбленная Елизавета не покидала своего дворца, не вмешивалась в политику, это казалось ей главным. В то же время Анна не оставляла своего замысла выдать племянницу за чужеземца, чтобы отстранить от власти раз и навсегда. Она знала, сколь непродолжительны увлечения дочери Петра, и считала крайне сомнительным, чтобы Алексей Разумовский задержался подле нее надолго. В то время внимание царицы было всецело поглощено поведением Анны Леопольдовны. Великая княгиня отвергала все брачные предложения

вплоть до 1739 года. В этом деле был отчасти замешан и Бирон: он надеялся убедить престолонаследницу выйти за его собственного сына Петра, чтобы обеспечить себе надолго место у кормила власти, поскольку здоровье императрицы заметно пошатнулось: среди прочих симптомов с нею часто стали случаться обмороки. Но Анна Иоанновна воспротивилась этому плану; в матримониальном отношении она собиралась продолжать политику Петра Великого, то есть выдать свою племянницу за иностранного принца. А девушка угрожала покончить с собой, если ей будут навязывать Антона Ульриха Брауншвейгского. Но в конце концов уступила: этот молодой человек, пресный и неуклюжий, по крайней мере казалось, будет терпимо относиться к ее шашням с Юлией Менгден. Свадьбу отпраздновали в июле 1739 года; когда церемония закончилась, Анна с плачем бросилась в объятия Елизаветы. 2 августа 1740 года от этого союза на свет появился мальчик Иван 40. Дитя тотчас перенесли в собственные покои императрицы, которая взяла заботы о новорожденном на себя лично. Никаких сомнений в том, кто унаследует российский престол, более не оставалось. Вскоре Анна Иоанновна перенесла новый апоплексический удар. Наперекор своей слабости она по всей форме назначила малыша своим паследником. Елизавета пришла в ярость, узнав об этом, однако и Анна Леопольдовна была не менее разочарована, ведь она в надежде на императорскую корону пожертвовала своими личными чувствами, вышла замуж за ничтожного человека, а теперь, если монархиня умрет, ей остается рассчитывать не более чем на регентство, пока ее сын не достигнет совершеннолетия. Тогда дочь Петра решила продемонстрировать равнодушие ко всем этим перипетиям; не питая более ни капли сочувствия к своей кузине, она нашла для нее слова утешения.

17 октября 1740 года это обманчивое спокойствие было нарушено внезапной смертью Анны. Таким образом, ее паследник, двухмесячный младенец, был возведен на трон под

именем Ивана VI. Дело не обошлось без язвительных комментариев по поводу его германского происхождения, ведь по материнской линии он принадлежал к Мекленбург-Шверинскому семейству, а по отцу — к Брауншвейг-Вольфенбюттельскому. Русским — и в этом сходились все их группировки — надоело правительство, возглавляемое германским триумвиратом (то есть Бироном, Остерманом и Минихом), а теперь это положение угрожало закрепиться навечно.

Итоги царствования Анны Иоанновны оказались неоднозначными. Народное недовольство росло. Императрица мало-помалу уступила бразды правления фаворитам: указы выпускались за подписями трех членов кабинета министров, которые считались равпоценными царской. Сама же монархиня предпочла предаваться праздным забавам, расточая немыслимые суммы на свою мебель и наряды. Как большая любительница балета, оперы, музыки и театра, она способствовала приездам в страну иноземных артистов41. Развлечения русского двора приблизились к западным образцам — немецким и итальянским. Культурная жизнь нации благодаря этому оживилась, недаром это была эпоха появления первых больших русских писателей - Сумарокова, Тредиаковского, Кантемира, а также историка Татищева. Свою лепту в этот культурный подъем внесли работы императорской Академии наук, основанной Петром в 1725 году. Анна не поскупилась на науку: она предоставила членам сей организации исключительные условия для работы, что привлекло в Россию таких ученых, как математик Эйлер, натуралист Гмелин и астроном Делиль. Будучи до крайности противоречивой натурой, царица, подобно Петру Великому, обожала грубые, кощунственные забавы, карликов и увечных, чем весьма удручала иностранных представителей, да и Елизавету, которая радостно хваталась за любой повод уклониться от этих царицыных приемов.

На годы царствования Анны Иоанновны выпало два крупных конфликта: война за польское наследство (1733—

1735) и раздоры с Портой (1735—1739). В первом случае Версаль встал на сторону Станислава Лещинского, тестя Людовика XV, в то время как Анна, поддерживаемая императором Карлом VI, хотела посадить на варшавский трон Августа III. Русские в конце концов навязали-таки Польше этого последнего, поскольку их войска продвинулись до рейнских берегов: то было первое реальное противостояние России и Франции. Во втором случае турки, русские и австрийцы схлестнулись на почве территориальных претензий. Военный конфликт прекратило посредничество Вильнёва, посланца Людовика XV; Анна тогда вновь прибрала к рукам Азов и Запорожье, которыми Петру Великому пришлось пожертвовать вследствие поражения, завершившего в 1711 году Прутский поход¹².

В 1730-х годах военные расходы достигли 70% российского государственного бюджета. Бремя подушной подати давило все тяжелее, за отказ платить налоги жителей арестовывали, бросали в тюрьму, ссылали. Многие крестьяне предпочитали бежать; 327 000 беглецов были пойманы и возвращены своим господам, а скольким крепостным удалось добраться до границы, неизвестно - таких цифр не сохранилось. На обширных территориях южных и восточных областей плодородие почв было восстановлено, но у правительства наперекор всем стараниям недостало сил противостоять продолжительному ненастью, которое обрушилось на страну в 1735 году, вызвав серьезную нехватку продовольствия⁴³. А вот торговля развивалась, особенно она расцвела к концу царствования Анны Иоанновны, когда Россия широко экспортировала пшеницу в страны Центральной и Западной Европы, которым угрожал голод. В 1734 году был подписан новый коммерческий трактат с Англией, где последней предоставлялись все требуемые привилегии. Согласно указу от 1736 года, к британским предприятиям приписывались крепостные для фабричных работ; их потомство ожидала та же участь. Владельцы предприятий, происходившие из

свободных сословий, получили право покупать души. Возникали новые шахты и мануфактуры, но самым неимущим это не помогало, скорее причиняло дополнительный ущерб⁴⁴.

Стремясь поладить с дворянством, Анна сократила обязательный срок государственной службы и дала согласие, чтобы один из сыновей оставался жить в поместье. Тут речь поначалу шла о решении экономических задач, имевших целью привязать землевладельцев к своим владениям, приохотить к управлению собственным хозяйством. В 1731 году был организован Сухопутный шляхетский кадетский корпус, отвечающий за подобающее формирование будущего офицерства. Вдохновляясь примером того, как поставлено военное дело в Пруссии, это учебное заведение воспитывало молодых аристократов на западный манер, сочетая преподавание воинских искусств с изучением иностранных языков, а также уроками танцев, музыки и рисования. Наличие таких дисциплин позволяло ученикам, уклоняющимся от армии, избрать гражданскую карьеру. Но несмотря на эти прогрессивные начинания, во всех слоях общества, уставшего от правления в чужеземном стиле, росло недовольство. Канцелярия тайных розыскных дел под управлением внушавшего ужас Андрея Ушакова терроризировала страну; малейшее подозрение в таком злодеянии, как оскорбление величества, влекло за собой высылку или смертную казнь. Агенты в зеленых мундирах преследовали и дворян, и простолюдинов, поощрялось доносительство; юридические расследования сохранялись в тайне, приговоры выносились келейно, а протоколы запирались в секретные архивы. Наушничество, распространяясь, усугубляло ужас, от которого не были избавлены даже первые лица страны⁴⁵.

Волнения достигли высшей точки, когда манифест возвестил публике, что регентство до совершеннолетия двухмесячного царя будет осуществлять Бирон. Но тут он, самодовольный и неотесанный, совершил промах: осмелился грубо обращаться с брауншвейгским семейством. Хуже того, он угрожал взяться за Юлию Менгден. Анна Леопольдовна

не желала этого терпеть, она рассчитывала сохранить за собой все права. Она знала, что в деле свержения узурпатора может рассчитывать на гвардейцев Преображенского полка, офицеры которого уже давно негодовали на сложившуюся систему, обеспечивающую остзейским немцам преимущественные возможности карьерного роста. Она посулила им прибавку жалованья, но потом не исполнила обещания — как впоследствии выяснилось, это с ее стороны было роковой ошибкой. Бирона арестовали, взяв врасплох глубокой ночью, обвинили в заговоре и сослали в Пелым. В его лице Елизавета потеряла свою единственную поддержку при дворе, раздираемом противоборством группировок. Могла ли дочь Петра допустить, чтобы ее снова оттеснили от трона, да еще не кто-нибудь, а немцы? Она и так уже десять лет прозябала в страхе, что ее силком выдадут замуж или заточат в обитель, терпя к тому же бесконечные придирки и невыносимое давление.

А тут еще Елизавету постигло новое оскорбление, глубоко ранившее ее самолюбие. Возник претендент на руку царевны, возбудивший любопытство всего Санкт-Петербурга: шах Персии Надир. Он прислал в Россию четырнадцать слонов: девять предназначались для маленького царя Ивана, четыре для Елизаветы и один для регентши⁴⁶. Когда эмиссар шаха пожелал взглянуть на его предполагаемую невесту (она-то на самом деле не имела ни малейшего намерения заключать этот союз и тем наче переходить в ислам), Остерман ловко обощел вопрос об этой встрече. Возмущенная этими манипуляциями, Елизавета, утратив хладнокровие, резко поставила министра на место. Воронцов, послапный от ее имени в Зимний дворец, напомнил ему, что своим возвышением он всецело обязан Петру Великому. Оскорбленный таким внушением, Остерман поклялся сбить спесь с этой женщины, одновременно скрытной и непокорной⁴⁷.

Вскоре Анна Леопольдовна чрезмерно вошла во вкус власти и более не скрывала, что мечтает стать императри-

цей. Ее супруг Антон Ульрих был назначен верховным главнокомандующим армии — верный способ отстранить его от государственных дел. Однако это решение окончательно лишило ее поддержки гвардии, и без того задетой тем, что жалованье так и не повысили. Поведение регентши сулило долгие годы диктатуры, под властью которой иностранцы попрежнему будут решать судьбы России. Назревал взрыв. Елизавета знала: наступает ее время. Тем не менее она колебалась, пока не решаясь потребовать восстановления своих прав или прав своего племянника Карла Петера Ульриха Голштейнского, которому в ту пору было двенадцать лет. В самом ли деле ей так уж хотелось, назвавшись императрицей или регентшей, взвалить на себя тяжкое бремя правления громадной страной? Могла ли она рассчитывать на сторонников петровских реформ, отрешенных от власти после смерти ее матери Екатерины І? И наконец, если дело дойдет до коронации, как ей быть с Разумовским?

Но нашелся человек, сумевший убедить ее, что необходимо подготовить государственный переворот. Это был Жак Иоахим Тротти, маркиз Шетарди, посол Франции в Санкт-Петербурге.

подготовка государственного переворота

Маркиз де ла Шетарди был назначен послом в Петербург в июле 1739 года. Посредничество Франции в войне России с Портой позволило наладить между двумя этими странами дипломатические отношения, создавшие противовес русско-германскому альянсу. Представитель Людовика XV соединял в своей персоне все качества дипломата, придворного и шпиона; он умел нравиться всем — и мужчинам, и женщинам. При дворе, около пятнадцати лет управляемом императрицами, подобные достоинства могли стать залогом поворота в российской внешней политике, благоприятного для Версаля. Король требовал, чтобы его послу оказывалось почтение наравне с императором⁴⁸. И тут он мог положиться на маркиза де ла Шетарди, склонного к пышности и великолепию: этот человек мог навязать российскому двору его волю. Посольство его христианнейшего величества насчитывало двенадцать секретарей, восемь капелланов, шесть поваров, пятьдесят пажей и камердинеров в сверкающих парадных ливреях с галунами. Шетарди содержал охрану из восьми гренадеров и двенадцати стрелков под командованием младшего офицера или сержанта⁴⁹. Его два экипажа (в том числе коляска, украшенная накладным серебром), конская сбруя, обивка, костюмы офицеров и пажей в общей сложности обходились в 148 791 ливр ежегодно. Около 25 000 ливров были потрачены на меблировку, 6000 — на почтовые расходы, $12\ 000$ — на поддержание нарядов в должном виде, 45 000 — на всякого рода подачки при посещении двора. И наконец, весьма существенные суммы тратились на высших придворных сановников, поскольку мзда в форме даров и наличных оставалась действенным средством убеждения⁵⁰.

Первая аудиенция французского посла в Зимием дворце не разочаровала его начальство, а русских ошеломила. Он проехал через столицу в императорской карете, согласно обычаю окруженный охраной, лакеями, пажами, гайдуками и скороходами. Анна Иоанновна оказала представителю Версаля все почести, подобающие его рангу. Царица встретила его в парадном костюме и выразила свое расположение этому господину с безукоризненными манерами, щедрому на любезности. Он сумел побудить ее пойти навстречу его не предусмотренному протоколом желанию встретиться с Анной Леопольдовной и Елизаветой. Тогда — впервые с тех пор, как не стало ее родителей, — Елизавета через посредство посла получила почтительное приветствие от короля, который, сверх того, некогда чуть не стал ее женихом, — от Людовика XV собственной персоной. Остерману просьба маркиза

не понравилась, но он тщетно пытался отговорить царицу от этого ложного дипломатического шага: она поддалась обаянию красавца француза. Елизавете, таким образом, пусть в неофициальном порядке, однако при поддержке великой европейской державы, возвращался ее статус царевны-престолонаследницы. Маркиз посетил цесаревну в ее дворце. Симпатия возникла мгновенно, и она была обоюдной. Молодая женщина сделала три шага навстречу гостю, хотя тут же отпрянула на те же три шага⁵¹. Их беседа затянулась, потом маркиз возобновлял эти свои якобы церемониальные визиты снова и снова, преподнося Елизавете ослепительные дары, соответствующие последней парижской моде. Уж не выходили ли их взаимоотношения за рамки, в самом строгом смысле дружеские? Поговаривали, будто дипломат, тщательно переодетый, словно для маскарада, был замечен выходящим из Летнего дворца глубокой ночью. В стране, где чего-чего, а поводов для скуки предостаточно, он нашел в царевне единственную достойную внимания личность. И, восхищенный, расписывал Флери непомерную популярность дочери Петра Великого: мол, если бы русские могли выбирать себе монарха, корона досталась бы Елизавете. Он информировал Версаль о тяготах, которые нация испытывает под, так сказать, немецким засильем, оскорбительным как для старинной родовитой знати, так и для аристократии заслуг, этого порождения петровской эпохи. Великие принципы салического закона, казалось, были забыты. Женщина, дочь монарха, к которому Версаль относился с подозрением, приобретала вес в европейской политике: она сыграет на руку Франции или по меньшей мере сохранит нейтралитет среди противоборств, раздирающих континент. Кабинет министров короля в ответ на все это ограничился тем, что велел своему послу соблюдать предельную сдержанность⁵².

Восшествие на престол Ивана и регентство его матери сами по себе не слишком повлияли бы на ход европейских дел, если бы незадолго до смерти русской монархини не

скончался австрийский император Карл VI. «Прагматическую санкцию» (то есть особо важное решение, действительное «отныне и навсегда»), заключавшуюся в передаче его короны Марии Терезии, тотчас оспорили Франция и Пруссия, молодой правитель которой Фридрих II вторгся в Силезию в декабре 1740 года. Европа тогда ввязалась в войну за австрийское наследство, к которой еще добавились территориальные распри на польской границе. Россия поначалу заняла выжидательную позицию. Однако, учитывая германское происхождение Анны и ее супруга, можно было предвидеть здесь альянс, благоприятный для принцессы из рода Габсбургов. К тому же внешними сношениями России по-прежнему ведал Остерман, злейший враг Франции. И вот Шетарди, прирожденный интриган, наперекор указаниям Версаля принялся раздавать деньги и подарки противникам Ивана VI; его визиты к Елизавете участились, он расточал царевне советы и подсказки, укращая их всеми мыслимыми цветами красноречия, призванными сделать и без того медовые речи еще убедительнее⁵³. Он намекал, что положение молодой женщины, уже достигшей к тому времени тридцати одного года, недостойно ее ранга и оскорбительно для памяти ее отца. Как она, любящая свой народ, может терпеть, видя его страдающим под гнетом германского правления? Маркиз умел находить точные слова и доводы, выразительно колеблющиеся между лестью и угрозой, - монастырь, куда русские правители любили заточать мятежных царевен, был аргументом, способным заставить Елизавету уступить... Ближайшие, преданнейшие приверженцы царевны — Разумовский, ее личный врач Лесток, Михаил Воронцов, Петр и Александр Шуваловы, а вслед за ними их жены поддерживали французского посла в его затее. Кое-кто из гвардейцев Преображенского полка, раздраженных деспотическими замашками регентши, в один голос убеждали царевну принять бразды правления⁵⁴. Когда же наконец дочь Петра Первого взвалит на себя подобающую ей ответственность?

Между тем Шетарди, защищенный своей дипломатической неприкосновенностью, орудовал и при дворе; стремясь выиграть время, он притворился чрезвычайным поборником скрупулезного соблюдения церемониала. Он настаивал на том, чтобы вручить свои верительные грамоты не регентше, а младенцу-государю: возникла, стало быть, неразрешимая проблема из области этикета? Остерман попался на удочку: попросил французского посла не появляться во дворце, пока этот дипломатический инцидент не забудется. Такая комедия потребовалась маркизу, чтобы не вмешивать свою страну уж совсем напрямик в государственный переворот, спланированный, по-видимому, безупречно. Отныне посол избегал Елизаветы - обмен информацией происходил через посредство Лестока, с которым он встречался по ночам или в уединенных местах, скажем, в лесу за пределами Петербурга. С санкции своего правительства посол разжег новый конфликт на севере, подбив Швецию объявить войну своему большому славянскому соседу: с толком организованный территориальный конфликт разом удалит русские войска от столицы, это предоставит гвардии полную свободу действий. Однако Стокгольм выдвинул свои условия: риксдаг рассчитывал возвратить Швеции земли, потерянные в 1721 году вследствие Северной войны. Секретные донесения говорят даже, что шведы хотели прибрать к рукам Архангельск, а то, чего доброго, и Санкт-Петербург. Таким образом, будущей императрице Елизавете предлагалось изменить Ништадтскому договору, сведя тем самым на нет величайшую из дипломатических побед своего отца. Такая провокация пробудила в царевне инстинкт дипломата. Она согласилась на помощь Швеции, но отказалась подтвердить эти договоренности хотя бы одной письменной строчкой⁵⁵. Шетарди вкупе со шведским дипломатическим представителем в России фон Нолькеном уламывали ее подписать документ, подтверждающий готовность к территориальным уступкам. Но ей не надо было далеко ходить за

возражениями: она находит до крайности опасным оставить подобное доказательство того, что она замешана в тайных планах интервенции. И что, разве ее слова не достаточно? Она когда-нибудь прежде нарушала свои обещания? И вот в июле 1741 года Швеция в надежде на то, что власть в Санкт-Петербурге захватит группировка франкофилов, объявила войну славянскому соседу. Поскольку русская армия давила численным превосходством, шведы сначала только отступали. Шетарди и Нолькен почувствовали, что угодили в порочный круг: государственный переворот, внеся смятение в императорскую армию, явится одним из условий победы Швеции, между тем как восхождение на престол дочери Петра Великого станет для нации благотворной встряской, которая способна привести к торжеству русских 56.

Тем временем Елизавета стала чаще наведываться в казармы преображенцев; она даже раздавала им деньги, что сделалось возможно благодаря щедрости Шетарди. Солдаты и офицеры уже были готовы последовать за своей «матушкой», им не терпелось захватить Зимний дворец. Она их успокаивала, советовала вести себя мирно и ждать четких приказаний. В противоположность прославленному отцу она не любила торопить события — настолько, что подчас могла своей медлительностью портить собственную политику и выводить друзей из терпения: это была основная черта ее натуры. Из-за такого промедления слухи о государственном перевороте стали распространяться в дипломатических кругах. Английские и австрийские представители, боясь потерять потенциального союзника в своей борьбе с Людовиком XV и Фридрихом II, предупредили Анну Леопольдовну о том, что со стороны гвардии ей угрожает непосредственная опасность. Регентша призвала Елизавету к себе, чтобы допросить. Обвиняемая прекрасно разыграла негодование: нападки на нее - чистейший вымысел! Она слишком богобоязненна, чтобы нарушить присягу, которую так недавно принесла своей кузине. И разве не она была ее единственной союзницей в противостоянии этой ужасной Анне Иоанновне? Тут обе женщины залились слезами, бросились друг другу на шею, и сцена завершилась новыми заверениями в преданности со стороны цесаревны⁵⁷. Впрочем, у Анны почти не оставалось пространства для маневра: выгнать из страны Шетарди значило бы вопиющим образом нарушить права дипломата, притом с риском, что Франция вступит в войну на стороне Швеции. Уничтожить либо сослать Елизавету? Это бы ничего не дало: тут надобно вспомнить, что двенадцатилетний подросток Петр Голштейнский, согласпо завещанию Екатерины, единственный законный наследник короны, обитал в Киле под надежной защитой громовержцев из Тайной канцелярии. Остерман не дремал, но оп допустил ложный шаг, притом крайне серьезный: снова осмелился пригрозить монастырем дочери Петра Великого. А это переполнило чашу. Воспользовавшись гневом Елизаветы, Лесток подсунул ей два рисунка - в своем роде ультиматум: на одном царевна изображалась томящейся в сырой и мрачной келье, на другом она восседала на троне своих предков, увенчанная короной Романовых⁵⁸. Вернувшись в Летний дворец, Елизавета тотчас созвала своих сообщников. Она только что узнала, что войско шведского генерала Левенгаупта марширует в направлении русской столицы; 3000 гвардейцев-преображенцев получили приказ покинуть свои казармы и присоединиться к воюющим регулярным частям. Таким образом, государственный переворот срывается. Для того чтобы потакать своим душевным состояниям, времени больше не оставалось. Огромная популярность Елизаветы гарантировала успех, но все были заинтересованы в том, чтобы действовать немедленно. Шетарди успел составить список лиц, которых следовало арестовать и приговорить: Остерман, Миних (и так уже опальный), Юлия Менгден, вице-канцлер Головкин, обер-шталмейстер двора фон Левенвольде и все брауншвейгское семейство, к тому времени увеличившееся благодаря рождению маленькой

дочки. Государственный переворот должен был состояться назавтра, в ночь с 24 на 25 ноября 1741 года; в противном случае заговорщикам несдобровать...

В ту ночь с отвагой, достойной дочери Петра Великого, Елизавета встала во главе отряда из трех сотен солдат и пешком двинулась к императорскому дворцу с гранатами в карманах и примкнутым штыком на ружье⁵⁹. Царевна, одетая в мундир Преображенского полка, поскользнулась и упала на снег, тогда два сержанта подхватили ее на руки и так донесли до ворот дворца. Ее люди заняли входы и лестницы императорского дворца, ворвались в жилища фаворитов и министров ненавистного правительства. Шетарди тем временем укрылся во французском посольстве, приказал потушить все светильники, заперся в личном особняке, выставил часовых, готовых стрелять. По-видимому, дипломат был в большой тревоге, он понимал, что рискует своей карьерой, состоянием, может статься, что жизнью тоже, да и позицию Франции ставит под удар. Прячась за портьерой, он наблюдал за тем, что происходило на улице. А Елизавета в сопровождении гренадеров ворвалась в опочивальню, застав Анну Леопольдовну и ее супруга в постели. Она разбудила их и приказала одеться. Антон Ульрих запротестовал, но у него не было оружия — нечем защищаться. Мятежники вошли в детскую и вынули обоих малышей из их колыбелек. Согласно некоторым свидетельствам, Елизавета взяла на руки маленького Ивана и прошентала: «Бедное дитя, ты невинен, но твои родители виновны!» 60 Заговорщики затолкали всю семью в сани и развезли родителей, малютку-царя и его сестренку по нескольким домам, под надежную охрану. Министров, русских и немцев, принадлежащих к лагерю поверженных, тотчас заточили в Петропавловскую крепость⁶¹. Крови не пролилось ни капли. Когда Елизавете попалась на глаза икона Богоматери, она бросилась на колени и стала с жаром молиться. Шетарди меж тем устремился во дворец, спеша поздравить свою подругу с победой. Если верить секретарю посольства, вернулся он в сопровождении эскорта солдат и гренадеров, которые величали его батюшкой-заступником и говорили, что это он вернул царство кровному чаду императора Петра⁶². Маркиз велел дать им всем денег п, само собой, водки. Стало быть, от военных не укрылась роль посла Людовика XV в этом «путче»: кто, как не он, оставался главной пружиной, запустившей все механизмы, заставив их работать на пользу Елизавете⁶³?

Чуть позже часа ночи слухи о государственном перевороте уже распространились по городу. Вскоре люди, несмотря на леденящую стужу, высыпали на улицы. Толпа была так густа, что вскоре сани уже не могли проехать. Дорогу, ведущую к императорскому дворцу, занимали гвардейцы; резиденцию мало-помалу заполняли сановники, сенаторы, священнослужители и придворные. Все они толкались здесь, спеша поздравить свою повую владычицу и узнать, каковы будут ее первые распоряжения⁶⁴.